

Возвышенная теология заката Советской империи. Акат Калистратович Белых

Е. Г. Соколов✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉egsllov@gmail.com

Введение. Общественно-политические дисциплины – важная составляющая гуманитарного знания советского периода российской истории. Научный коммунизм, введенный в качестве обязательного предмета во всех вузах СССР в последние 30 лет существования государства, рассматривался как завершающее выражение всех теоретических положений марксизма-ленинизма. В статье предпринята попытка рассмотреть научный коммунизм как умозрительную спекулятивную конструкцию, которая, с одной стороны, воспроизводит терминологические, логические, смысловые и операционные регламенты классических философских систем, с другой – является привилегированным механизмом дискурсивного производства. В качестве характерного примера того, как и посредством какого инструментария легитимируется доктрина, приводятся тексты работ А. К. Белыха, на протяжении почти 30 лет возглавлявшего кафедру теории научного коммунизма на философском факультете ЛГУ (ныне – СПбГУ).

Методология и источники. Методологически работа базируется на философском анализе репрезентативных для эпохи текстов (Д. де Траси, «Грамматика Пор-Рояля», работы советских российских философов в русле марксистско-ленинской традиции, монографии А. К. Белыха), включенных в утвержденный канонический корпус марксизма-ленинизма.

Результаты и обсуждение. Научный коммунизм, сегодня практически изъятый из исторической памяти, являлся интереснейшим примером того, как происходила эволюция общественной мысли в советский период российской истории. Корпус общественно-политических дисциплин, в который входили марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм), политическая экономия, история КПСС и научный коммунизм, являлись единым комплексом умозрительной спекулятивной доктрины. В полной мере все эти дисциплины, позиционируемые в качестве научного знания, могут быть оценены лишь в контексте магистральных тенденций развития социально-философского знания Нового времени, заданных эпохой Просвещения. Символическими точками отсчета здесь могут считаться проекты «универсальной грамматики» (Пор-Рояль) и «идеологии» (Дестют де Траси).

Заключение. Научный коммунизм – неслучайный, но характерный для отечественной мысли, интеллектуальный конструкт. Коллективный, т. е. в его реализации задействовано большое количество людей, а значит, его можно рассматривать как сформировавшееся направление общественной мысли. Среди исторических аналогов, использующих тот же самый стратегически-тактический арсенал средств выражения и дискурсивной фиксации, его можно и сравнить, и уподобить с известными спекулятивными конструктами теологического характера: высокой схоластикой.

© Соколов Е. Г., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: научный коммунизм, общественно-политические дисциплины, марксистско-ленинская философия, универсальная грамматика, идеология, Д. А. де Траси, А. К. Бelykh.

Для цитирования: Соколов Е. Г. Возвышенная теология заката Советской империи. Акат Калистратович Бelykh // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 20–36. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-20-36

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде–Петербурге. Вторая половина XX века»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.10.2020; принята после рецензирования 10.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

Sublime Theology of the Decline of the Soviet Empire. Akak K. Belykh

Evgeniy G. Sokolov✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉egslov@gmail.com

Introduction. Socio-political disciplines are an important component of the Humanities of the Soviet period of Russian history. Scientific communism, introduced as a compulsory subject in all Higher education institutions of the USSR in the last 30 years of the state's existence, was considered as the final expression of all the theoretical propositions of Marxism-Leninism. The article attempts to consider Scientific communism as a speculative speculative construction that, on the one hand, reproduces the terminological, logical, semantic and operational regulations of classical philosophical systems, and on the other hand, is a privileged mechanism of discursive production. As a typical example of how and through what tools the doctrine is legitimized, the texts of the work of A. K. Belykh, who for almost 30 years headed the Department of the theory of scientific communism at the faculty of philosophy of LSU (now SPBU).

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on a philosophical analysis of texts representative of the epoch (D. de Tracy, grammar of Port Royal, Soviet Russian philosophers who worked in the Marxist-Leninist tradition, monographs by A. K. Belykh), included in the approved canonical corpus of Marxism-Leninism.

Results and discussion. Scientific communism, now virtually removed from historical memory, was an interesting example of how social thought evolved during the Soviet period of Russian history. The corpus of socio-political disciplines, which included Marxist-Leninist philosophy (dialectical materialism and historical materialism), political economy, history of the Communist party of the Soviet Union, and scientific communism, was a single complex of speculative doctrine. All these disciplines, positioned as scientific knowledge, can be fully evaluated only in the context of the main trends in the development of social and philosophical knowledge of the New time, set by the Enlightenment era. Symbolic points of reference here can be considered projects of "universal grammar" (Port Royal) and "ideology" (Destute de Tracy).

Conclusion. Scientific communism is not an accidental, but characteristic of Russian thought, intellectual construct. Collective, i. e. a large number of people are involved in its implementation, which means it can be considered as a well-formed direction of social thought. Among the historical analogs that use the same strategic and tactical Arsenal of means of expression and discursive fixation, it can be compared and likened to the well-known speculative constructs of a theological nature: high scholasticism.

Key words: scientific communism, socio-political disciplines, Marxist-Leninist philosophy, universal grammar, ideology, D. A. de Tracy, A. K. Belykh.

For citation: Sokolov E. G. Sublime Theology of the Decline of the Soviet Empire. Akat K. Belykh. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 20–36. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-20-36 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant of Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00144 "Theoretical heritage of philosophy in Leningrad-Petersburg. Second half of the twentieth century").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.10.2020; adopted after review 10.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. Среди символических маркеров трех последних десятилетий существования СССР, таких как марксизм-ленинизм, КПСС, всемирно-историческая миссия пролетариата, классовая борьба, загнивающий и приближающийся к своему неминуемому краху капитализм, светлое будущее, триумфальное шествие социализма по планете и пр., научный коммунизм (НК) – и как образовательно-воспитательная дисциплина, и как институализированная надлежащим образом область познания, и как идеологема – занимал едва ли ни главенствующее положение и, вне сомнения, с самого начала своего существования и до самого конца находился вне досягаемости любого критического, теоретического в не меньшей степени, нежели практического (в качестве объекта социокультурной прагматики), взгляда. Разумеется, взгляда «изнутри», т. е. направленного из регионов, находящихся так или иначе, под юрисдикцией страны советов. Можно даже сказать, что НК обладал своеобразной «презумпцией благости» (неоспоримости, непогрешимости, очевидности, невинности, неподсудности, истинности), гарантирующей ему статус, неподсудный какому-либо сомнению. И дело не только в цензурно-репрессивном аппарате, пронизывающем всю государственную систему и пресекающем любые неподобающие вольнодумства на корню. Дело в другом: НК не предусматривает даже возможность сомнения как любая абсолютно закрытая дисциплина, замкнутая исключительно на самой себе, самодостаточная и автономная, осуществляющая пробег – и он может быть бесконечным – лишь в пределах собственной сериальной последовательности. Другими словами, НК не предполагает коммуникацию. С ним невозможно полемизировать, но – лишь свергнуть. Что и произошло в реальности.

В начале 90-х гг. минувшего века Советская империя рассыпалась. Все ее и внутренние, и внешние, и умозрительные, и процессуальные сателлиты либо исчезли, либо приспособились к другим обстоятельствам. Прежние фавориты подверглись публичному поруганию. Не избежал сей участи и НК. Однако если другие идеологически-символические конструкты советского времени и сопряженные с ними социокультурные практики вот уже на протяжении почти 30 лет непрестанно в разных дискурсивных обстоятельствах, с различной аксиологической модальностью и предикатным соотношением (история, отечественная история, история идей, наследие, социокультурный ландшафт, впечатляющая фигура в общей структуре российских паттернов и пр.), так или иначе воспроизводятся, порождая отнюдь не формально-академическую полемику, то с НК случилось иное: он попросту отсутствует в жизни новой России. После недолгого периода экзальтированного и демонстративного отказа от прежних, социалистических, догматов и кумиров, с публичным их изгнанием и побиванием, продлившимся первые два года постсоветской эпохи,

научный коммунизм (и как словосочетание-понятие-символ, и как процессуальный инструментарий социальной размерности) был практически предан забвению. Я даже не говорю о риторическом декоре легитимных институций (контр-государственных не в меньшей степени, нежели государственно санкционированных), тем паче – о вербальных фигурах, архивных наборах и вариантах сериальных последовательностей (шаблонах и клише) СМИ. Но и в научно-исследовательских практиках НК нет. Во всяком случае, за минувшие 30 лет мне ни разу не встретилось это словосочетание-маркер в актуальных событийных контекстах какого-либо рода социально-гуманитарной активности. Чуть ли ни единственным исключением является статья М. Ю. Немцева «К истории советской академической дисциплины “Основы научного коммунизма”», написанная на основе доклада, прочитанного на конференции «Стратегии институционального строительства в послесталинском СССР (1953–1968)» (июнь 2015 г., Москва) и опубликованной в различных изданиях [1]. Судя по названию статьи («К истории...»), предполагается, что таковая история (от первичного древнегреческого «исследование, разузнавание, повествование о том, что узнано») есть, или, по крайней мере, должна быть. Однако ее нет в постсоветской России. А интеллектуальные усилия М. Ю. Немцева не привели к тому, чтобы к этому предмету, научному коммунизму (в каком-либо качестве или статусе), возник интерес. Ситуация может показаться странной, ибо апогей яростного отторжения всего советского давно миновал, а временная дистанция весьма способствует тому, чтобы к фактам и обстоятельствам 70-летнего периода нашей истории отнеслись спокойно, если не непредвзято, то хотя бы – без негативного предубеждения. Что в большинстве случаев и происходит. Очевидно, что НК – во всех своих ипостасях – феномен, в который функционально было вовлечено довольно большое количество регионов данности (людей, практик, институций). Причем, речь идет не о какой-то маргинальной, лишь терпимой и отнюдь не значимой, зоне советской социалистической повседневности, но, напротив, – о рекламируемом (в эпохе) и тщательно отформатированном по любым известным на тот момент канонам фасаде. Научный коммунизм – это то, что неизменно присутствовало в «наличном обиходе» практически всего населения Страны Советов в период его заката. Кроме того, поколение 50–60-летних, т. е. те, кто сегодня занимают командные высоты во всех областях жизни, знают не понаслышке, но на собственном опыте студенческой молодости, что это такое, научный коммунизм.

Методология и источники. Чтобы представить масштаб феномена, его статус и занимаемое место в общей социально-организационной структуре хрущевско-брежневского (и пост-брежневского, социалистического) периода, напомним некоторые факты, прекрасно известные современникам тех дней, и, уверен, малознакомые взрослеющим в другие времена. В программах подготовки специалистов любого профиля или направления во всех высших учебных заведениях СССР предмет «Научный коммунизм» («Основы научного коммунизма») вошел в 1963 г. (Приказ министра ВССО СССР № 214 «О введении в вузах СССР курса основ научного коммунизма» от 27 июня 1963 г. [2]) и до самого конца советской эпохи, т. е. до 1991 г., он там присутствовал. Все, кто получил высшее образование в этот почти тридцатилетний период, эту дисциплину проходили. Об официальном статуте и том значении, которое придавалось этому предмету, убедительно свидетельствует и тот факт, что, начиная с 1974/75 учебного года, для получения диплома о высшем образовании

наряду с написанием диплома (или сдачи государственного, итогового, экзамена по выбранной специальности), необходимо было пройти испытание – государственное же! – на знание основ научного коммунизма. Сама дисциплина входила в так называемый общественно-политический цикл (как нынче обозначили бы – модуль) – также обязательный для всех советских студентов, в котором числились: на 1 курсе – «История КПСС», «Политэкономия» (могла быть представлена и двухгодичная развернутая версия – «Политэкономия капитализма» и «Политэкономия социализма»); на 3 или 4 курсе – «Марксистско-ленинская философия» (или «Диалектический материализм» и «Исторический материализм» для некоторых специальностей), и, наконец, на последнем курсе, подводящий итоговую черту – «Научный коммунизм». Цель и задачи, которые преследовались, в общем-то, очевидны: создать общее представление о том, как устроен мир, каково место человека в этом мире, как развивается и функционирует человеческое сообщество, какое будущее ждет людей, какие фундаментальные законы предопределяют результаты и индивидуальные, и коллективных напряжений-усилий. Очевидно, что в любой образовательно-воспитательной процессуальности любой эпохи и в любой культуре вне зависимости от локально-конкретных пайдеветических режимов, инструментального набора, а также форм репрезентации и каналов, по которым совершались соответствующие инвестиции, аналогичные дискурсы присутствовали всегда. Это часть общегуманитарной дрессуры, без которой человека (человека, живущего в обществе) сформировать невозможно. Сегодняшняя модель высшего образования также содержит аналогичный модуль, хоть и наполненный другими дисциплинами, призванными в своей совокупности артикулировать правильность или неправильность конкретного и определенного взгляда на мир – определяется отнюдь не убедительностью, стройностью и аргументированностью догматов, но – обстоятельствами и ситуациями их принятия или непринятия. Поэтому советский общественно-политический блок вузовских дисциплин хоть и «отменен историей», но не дискредитирован и не развенчан: это дело не теории, но практики. Таким образом, интерес к тому, каковы общая конструкция, главные «бенефициары», система аргументации и доказательств, аксиоматические константы и аксиологические архивы этого комплекса, в частности, его кульминационного лозунга («Научного коммунизма»), – не праздный и не сугубо историографический.

Результаты и обсуждение. Марксистско-ленинская философия – это *диалектический материализм* – о том, что есть мир и человек в мире (научное мировоззрение, всеобщий метод познания мира, наука о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и сознания [3, с. 231]) источник; *исторический материализм* – о человеческом обществе (марксистская теория развития общества и методология его познания. Предметом исторического материализма является общество как целостная и развивающаяся социальная система, общие законы и движущие силы исторического процесса [4, с. 570]. История КПСС – назидательное повествование о конкретном и весьма успешном опыте реализации «общих законов движения и развития природы, общества и сознания», наглядный пример того, что – не мечта, но реальность (Изучение истории КПСС вооружает коммунистов, всех трудящихся знанием законов общественного развития, законов классовой борьбы и движущих сил революции, знанием законов построения социализма, коммунизма [5, с. 8]). Политическая экономика – структурно-организационно-функциональный экскурс в чело-

веческое сообщество, в то, из чего оно состоит, как взаимодействуют его составляющие, каким образом функционирует, субстанциональные и акциденцальные аспекты, закономерности и движущие силы развития и пр. (Она изучает законы общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества. Основой жизни общества является материальное производство. Чтобы жить, люди должны иметь пищу, одежду и другие материальные блага. Чтобы иметь эти блага, люди должны производить их, должны трудиться. Люди производят материальные блага, то есть ведут борьбу с природой, не в одиночку, а сообща, группами, обществами. Следовательно, производство всегда и при всех условиях является *общественным* производством, а труд – деятельностью *общественного* человека. [6]). И, наконец, «Научный коммунизм» – развернутая, подробная, с детальным разъяснением всех обстоятельств и «условий возможности-неизбежности» эсхатология: будущее, которое уже наступило. Легко убедиться, что в комплексе все дисциплины дают исчерпывающую картину мира: его прошлого, текущего-настоящего и грядущего.

Главным нумерозным бенефициаром «Научного коммунизма» является рабочий класс и мировой революционный процесс. Вокруг этих «персонажей» закручивается основная теоретическая интрига. Как значится в канонической формулировке, запечатленной во всех учебно-справочных изданиях, научный коммунизм изучает «закономерности развития мирового революционного процесса, закономерности возникновения и развития коммунистического общества – высшей ступени прогресса человечества. Эти закономерности определяют основное содержание социальных изменений в нашу эпоху – эпоху перехода от капитализма к социализму» [7, с. 3]. Общая структура дисциплины включает несколько разделов, которые в своей совокупности и последовательности-связности вполне соответствуют существующим на тот момент (и оставшихся практически без изменений до сего дня) регламентам научно-гуманитарного знания. А именно: после определения предметного горизонта – предыстория и предтечи дисциплины («Утопический социализм»), теоретические источники, пророки и классики («возникновение и основные этапы развития научного коммунизма») [7]. Далее следует аналитический обзор обстоятельств, условий, причин и действующих в период перехода «от... к» агентов и контрагентов: теория социалистической революции; современная эпоха и мировой революционный процесс; мировая социалистическая система – главная революционная сила современности; кризис мирового капитализма и революционное движение рабочего класса; национально-освободительное движение; мировое коммунистическое движение [7]. Следующий раздел содержит ряд сюжетов, призванных дать общее представление о том, какие трансформации в существовании человека и общества уже произошли и произойдут в будущем, а также характеристику этапов эволюции: переходный период от капитализма к социализму; диктатуру пролетариата и её формы; преобразование общественных отношений в переходный период; социалистическое общество; закономерности развития мировой системы социализма [7]. И последний тематический блок включает апологетический анализ значимых для полной реализации всемирно-исторического движения систем-структур-позиций-сил-инструментов, уже обогнавших в реальности, а потому выступающими верными маркерами «принадлежности» и критериями идентификации, которые в грядущем будут развиты и усовершенствованы: коммунизм – высшая фаза коммунистического общества, закономерности перерастания социализма в коммунизм [7]. Таков канонический набор тем.

Какими бы вздорными, абсурдными, фантастическими и пафосными предлагаемые для усвоения темы ни казались сами по себе сейчас – а таковыми они виделись и в эпохе, едва ли и «исполнители», и «потребители» доктрины всерьез и искренне, с восторгом и доверием относились к проговариваемому, разве что, очень наивные, каковых в системе высшей школы было немного – но в своей совокупности они в принципе не могли быть опровергнуты теоретически-дискурсивно. Система, как я уже отмечал вначале, была замкнута на самой себе. Научный коммунизм, и об этом говорилось при всяком упоминании (научный коммунизм – «одна из трёх составных частей марксизма-ленинизма, раскрывающая общие закономерности, пути и формы классовой борьбы пролетариата, социалистической революции, построения социализма и коммунизма... Научный коммунизм органически связан с другими составными частями марксизма-ленинизма – марксистской философией и политической экономией». [8, с. 346]), не может быть рассмотрен вне его логически-предметно-терминологической связи с другими дисциплинарными комплексами, через них легитимируется, черпая в них доказательную базу и всю систему аргументации. Каждый из тематических блоков внутри любого раздела не может существовать автономно, не, тем паче, редуцирован до какого-либо «онтологического субстрата» (фигуры, силы, объекта, элемента), но отсылает – и логически, и терминологически, и процессуально – к другим, которые выступают в качестве «общих». Например, классовая структура социалистического общества и пути достижения социальной однородности – к теории социалистической революции и к революционному движению рабочего класса. Последние находят свое обоснование – в политэкономии, в котором разъясняется, каким образом технологически организуется производство жизни человека и общества, какие аспекты (материальные и экзистенциальные) и инструменты она включает и как они взаимодействуют друг с другом. Логически-теоретическое обоснование этих вопросов содержится уже в другом дисциплинарном регионе – историческом материализме, где оглашены наиболее общие закономерности развития человеческого общества. Но последние также опираются на фундамент – диалектический материализм, в котором социум включен в общую структуру мироустройства, является лишь ее «частным случаем». Посредством таких отсылок мы в итоге упрямся в акт «сотворения мира», т. е. в бинарию материи-сознания, утвержденную в качестве фундаментальной, первичной и исходной, оппозиции – не новой, знакомой нам еще со времен досократиков. И с тех же времен – неразрешимой (дискурсивно-теоретически) в принципе. В подобной ситуации любой спор, любая дискуссия неуместна в принципе. Ибо утвердить правоту своей интерпретации можно лишь двумя способами: посредством практики-силы, т. е. контроля тех регионов, где производится дискурс; либо – веры. Полагаю, что в случае с научным коммунизмом преимущество отдавалось первой тактике, но и вторая – не исключалась полностью во времена «развитого социализма». Чем свидетельством может, в частности, служить достаточно большое количество «убежденных коммунистов», открыто заявляющих о своей приверженности доктрины в постсоветские времена.

Безусловно, научный коммунизм, также, как и все остальные составные части марксизма-ленинизма, – это идеология. И именно в том смысле, в каком это понятие было введено в обиход познания. Все негативные коннотации, связанные с этим термином, возникли уже в процессе его циркуляции в различных общественных практиках. Разумеется, они

связаны с первичным смыслом, не являются ни его абсолютным искажением, ни его процедурной перекодировкой, что повлекла за собой семантическую мутацию. Отнюдь. Речь скорее можно вести об изменении «оптики», или «ракурса» взгляда познания, в результате которого стали обозримы и другие пространства данности умозрения, в контексте которых первичная позитивная интенция была переосмыслена. Идеология в советское время конструировалась именно в рамках тех задач сугубо позитивного и весьма полезного для развития как прикладной, так и теоретической мысли, которые были сформулированы ее творцом – Дестютом де Траси.

Имя Дестюта де Траси до недавнего времени было практически неизвестно в России. Впервые отдельные фрагменты из его работ стали появляться в российской периодике с середины 1990-х гг., первый том его фундаментального труда «Элементы (основы) идеологии» вышел в 2013 г. В отечественных образовательных циклах, посвященных философской мысли Просвещения или истории французской философии, его имя, труды и идеи полностью отсутствуют. Небольшие статьи в справочниках энциклопедического профиля, несколько работ ученых-гуманитариев, посвященных, в основном, «периферийным» или являющимися лишь развитием и конкретизацией авторской концепции [9–15] (в частности, его взгляды на язык и знак – то, что можно квалифицировать как предсемиотику или философию языка, а также – высказывания, касающиеся мыслительной деятельности человека, в частности – логики) – вот и все, что есть. Англоязычная и франкоязычная библиография не многим больше. Однако, интерес – не только в контексте нашего сегодняшнего разговора – этот исторический персонаж, его бурная деятельность в один из самых любопытных периодов французской истории, а также его взгляды все же представляют. Без преувеличения он является основоположником и родоначальником идеологии.

Дестют де Траси был практиком. Он активно принимал участие в событиях конца XVIII и первой трети XIX в. во Франции. Едва ли его политические, экономические и философские труды носили исключительно прикладной характер. Однако в них, несомненно, отразились значимые вехи его биографии. На некоторые, имеющие непосредственно отношение к рассматриваемым сейчас проблемам, обращу внимание. В 1798 г., т. е. еще до наполеоновского переворота 18 брюмера 1799 г., де Траси назначается членом Комитета народного просвещения при Министерстве внутренних дел, который отвечал за реализацию реформы образования. В этом комитете он курировал «идеологические, моральные и политические науки». С 1799 же года де Траси фактически исполнял обязанности главы этого комитета. В 1798 г. начинается его работа, закончившаяся в 1815 г. с выходом 4 тома, над главным трудом – «Элементы (основы) идеологии». Труд был задуман как учебное пособие, которое должно было использоваться в реформированных Центральных школах, где предполагалось воспитывать и образовывать молодежь нового типа, мыслящей и рассуждающей последовательно, точно, отвечающей за свои слова, отчетливо понимающей, что имеет в виду и, что не менее важно, умеющей донести смысл проговариваемого до окружающих. Иными словами, формирование неких агентов идеальной, лишенной каких-либо «шумов», коммуникации. Первый том «Элементов (основ) идеологии: идеология как она есть» выходит в 1801 г., второй («Общая грамматика») – в 1803 г., третий («Логика») – спустя два года, и завершающий («Трактат о воле и ее воздействиях») в 1815 г. В своей совокупности эти учебники и соответствующие им дисциплины должны были создать некую

«экзистенциальную» композицию, в которой теоретическая основа, зафиксированная в первом томе, должна определять практическую деятельность, регулируемую нормативами грамматики, логики и теорией морали.

Таким образом, идеология – не автономна, но может существовать и, соответственно, рассмотрена лишь как составная, хоть и основополагающая (теоретическая, концептуальная, наконец, философская), часть всего комплекса – грамматики, логики, этики. Только в таком сочетании она работает. Таким образом «под контроль» берется вся деятельность человека, практика как таковая. Легитимация законодательных нормативов форм деятельности, а в последующем и управление ими, происходит через регулирование (с минимальным количеством первичных аксиом, представленных как «очевидности», либо, ведь речь идет о дрессуре еще не привычных к самостоятельному мышлению сознания, как «данности») самого производства дискурса. Само по себе это – в отдельных сегментах – уже было проработано до де Траси. В особенности показателен проект «универсальной грамматики», артикулированный еще до Просвещения и послуживший неким эпистемологическим «условием возможности» для формулирования основных его, Просвещения, идей. «Грамматика Пор-Рояля», на которой воспитывалось и французское Просвещение, и последующие поколения. Даже тогда, когда она была формально упразднена, все равно выступала тем операционно-эпистемологическим априори, что настраивало «взгляд» любого говорящего. Прямое и непосредственное соотнесение звуков и букв в первой части «Грамматики» – это, по сути, антропологически-онтологическая легитимация и речи, и письма. А также всех последующих, строго регламентированных, хоть предварительно и фундированных, процедур, наделяемых и при введении, и при функционировании дискурсивным алиби (через именование, отсылки, допускаемые или исключаемые связи и пр.). Но самое примечательное содержится во второй части «Грамматики», где в одной связке присутствуют сознание (рассудок) человека (ну и человек, разумеется) – речь – письмо: «Наш рассудок может производить три операции: Созерцать, Судить и Умозаключать. Созерцание – не что иное, как простой взгляд нашего рассудка на вещь, либо чисто духовный; ... либо соотнесенный с телесными образами... Суждение – это утверждение, что вещь, которую мы созерцали, является таковой, либо таковой не является... Умозаключение – это использование двух суждений для выведения из них третьего» [16, с. 90] Далее авторы характеризуют различные части речи, соотнося их с теми операциями рассудка (а значит – и коррелирующими формами реальности), которые они структурируют и оформляют: «Объекты наших мыслей являются либо вещами... которые называются субстанциями, либо способами существования вещей,.. называются акциденции... Это обусловило основное различие между словами, которые обозначают объекты мыслей: те из них, которые обозначают субстанции, были названы именами существительными, а те, которые обозначают акциденции, указывая на субъект, коему эти акциденции соответствуют, называются именами прилагательными» [16, с. 94]. Аналогичным образом разъясняются и другие части речи. Таким образом, получается, что, первично связав (аксиоматически) реальность, сознание и речь (букву), мы можем управлять реальностью посредством речи (слов и выражений). Напомню, что пор-роялевская «Грамматика» также задумывалась и долгое время функционировала как учебное пособие, т. е. использовалась при первичной настройке сознания-взгляда. «Логика» Пор-Рояля, вышедшая после «Грамматики», – это уже развитие

и «частный случай» использования той же самой реализации того же самого принципа настройки «взгляда» и, соответственно, расчерчивания (структурирования) реальности.

Картина мира, которая предстала перед европейским человеком в XVIII в., была им интегрирована и многократно-многовариантно воспроизведена в последующем, благодаря «Энциклопедии» Дидро–Даламбера, – может рассматриваться как образно-фигуративная иллюстрация грамматической структуры речи (французской вначале, а потом – и многих других языковых континуумов). В этом отношении де Траси воспроизвел модель, лишь акцентировав внимание на точки-звенья-практики, в которых происходило производство дискурса (его же – реальности), но при этом весьма существенно трансформировал общий «метафизический саунд», сместив – а по суди дела изменив – «план трансценденции» в сторону фигур «плана имманентности» (Делез-Гваттари). Важно, что «первичный толчок» был столь прост и непосредственно наивен, как и в «Грамматике» Пор-Рояля. «Знания о любом живом существе неполны, если не изучены его умственные способности. Идеология есть часть зоологии, а в зоологии человека эта часть особенно важна и заслуживает глубокого изучения» [17, с. 26] И начинает свое интеллектуальное путешествие автор с констатации «очевидного»: «Думать ... всегда означает ощущать, и ничего иного, кроме ощущать... слово “думать” обозначает акт восприятия вторичных впечатлений, которые являются производными от собственных ощущений: воспоминаний, отношений, желаний» [17, с. 51] Все последующие, имеющие отношение только и исключительно к чистому умозрению (операциями рассудка-сознания), базируются на онтологически-антропологическом постулате: «Мыслить – значит чувствовать; чувствовать – значит воспринимать свое существование тем или иным способом: у нас нет иного способа узнавать, что мы существуем» [17, с. 106]. В той же мере это относится и ко всем остальным частям Идеологии. Поэтому все остальные разделы-подразделы идеологического комплекса, в сущности, не могут быть квалифицированы исключительно как логические или семиотические, но – с онтологическими сегментами. Показательно, что сам автор мыслил идеологию в качестве некоей мета-теории, призванной прояснить сущность всех наук, независимо от предметных полей, а также их систематизировать. Также им предлагается и единая стратегия (собственно научная методология) – аналитика идей и знаков. Безусловно, язык (речь) выполняет в общей схеме принципиальную роль. Являясь – самим по себе и изначально – результатом многочисленных актов восприятия реальности (данной нам исключительно в ощущениях), фундированный «онтологическим архивом», накопленным предыдущими поколениями живших людей и выведенным за скобки, он, т. е. язык (и все совершаемые с ним манипуляции), и есть средоточие и смысл знания, а значит, постижения реальности, а значит, и обладания ей.

Вернемся к научному коммунизму. Как и в случае с Дестютом де Траси откровенная «идеологичность» этого дисциплинарного проекта заката Советской империи – отнюдь не означает, что он – прихоть или результат заговора злоумышленников или корыстных мошенников, вознамерившихся «оболванить массы», рекламируемую им очевидную иллюзорность. Он, научный коммунизм, боится и онтологически (через простую и извечную философскую бинарию – бытие-сознание), и социологически (через истматовскую, подтвержденную для усиления эффекта политэкономическими конструкциями, панораму развития человеческого общества), и исторически (через историю КПСС как нарратива реаль-

ности), и семиотически-лингвистически-логически (от де Трасси: коли ты оперируешь-мыслишь буквами-словами-частями речи, и твое сознание ими маркировано, то ты в принципе и в конечном счете, хотя бы и «стихийный» и не подозревающий о том – коммунист, научный), и операционно-институционально. Последнее едва ли стоит пространно доказывать: научный коммунизм – хотя и после своего введения в вузовские программы – функционировал в том же самом режиме, что и любой другой сегмент легально-легитимного на тот сегмент познания. Как это ни парадоксально может прозвучать, в рамках научного коммунизма соблюдались те же самые процессуальные регламенты дискурсивного производства, что и в других областях – хоть гуманитарного, хоть негуманитарного – научного знания. В процедурном отношении научный коммунизм – это не только вузы и люди, задействованные в образовательно-воспитательных ритуалах (а это – миллионы), но и научно-исследовательские подразделения-сектора, издаваемая литература, документация (дипломы, удостоверения, протоколы, свидетельства) и, наконец, предметно-тематические наборы и сопряженные с ними – стилистики дискурсивного оформления. Несмотря на очевидную тотальную унификацию всей сферы локально-региональные особенности, разумеется, имели место. Среди таковых интерес – с точки зрения прояснения значимых, но не слишком очевидных в общей концептуальной структуре, нюансов, чаще всего остающихся за пределами внимания – представляет опыт Санкт-Петербурга (в маркировке эпохи – Ленинграда), в частности – Санкт-Петербургского университета, в досоветские времена лидера в производстве гуманитарного, философско-идеологического в частности, дискурса.

Как в случае с научным коммунизмом как таковым, а также с Дестютом де Траси и его теоретическим наследием, об Акате Калистратовиче Белых сегодня можно найти очень мало сведений. Его слова цитируются в упомянутой статье М. Ю. Немцева («Преподаватель Ленинградского университета А. К. Белых заявил: “Заявления о ликвидации курса НК, которое идет в Ленинграде (со ссылкой на московские круги), мы можем расценить как отсутствие политического воспитания у разносчиков этого слуха и зараженность культом личности. Так мы должны расценивать этот слух”» [1, с. 35]. И. Ф. Ярулин, именитый российско-татарский социолог, в своем интервью, вспоминая студенчески-аспирантские годы, проведенные в Ленинградском университете, несколько раз упоминает А. К. Белых. На нескольких сайтах содержатся весьма скудные биографические сведения [18, 19]. В исторических очерках, размещенных на сайтах факультетов политологии, социологии и Института философии СПбГУ, также, как и в печатных изданиях различного толка, публикуемых к знаменательным и юбилейным датам тех или иных подразделений университета (факультетов, институтов, кафедр, отделений и пр.) последних 30 лет, его имя полностью отсутствует. В официальной и публичной иконографии университета он представлен лишь как «профессор, ветеран труда». Да и в кулуарах о нем не вспоминают вовсе, что по меньшей мере странно, если учесть что с 1962¹ по 1992 г. (до момента полной ликвидации подразделения) Акат Калистратович был бессменным заведующим громадной кафедрой – в некоторые годы состав доходил до 30 человек – на философском факультете ЛГУ (ныне – СПбГУ), руководителем соответствующего отделения, на котором обучалось до трети студентов и аспирантов факультета, с конца 90-х гг. XX в. из недр этой кафедры вышли фа-

---

¹ Именно эта дата обозначена в «Биографике» на сайте СПбГУ, что, скорее всего, не соответствует действительности, но точную дату открытия кафедры установить не удалось.

культеты социологии и политологии, которым все это время руководили и руководят по большей части либо его, А. К. Белых, младшие коллеги, либо – ученики и последователи, не говоря уже о том, что кафедры научного коммунизма, существовавшие во всех ленинградских вузах, в основном пополнялись кадрами, прошедшими профессиональную дрессуру в руководимом им подразделении. С профессионально-дисциплинарной мне понятно почему так происходит – если вспомнить о тех топографически-эйдетически-процессуальных горизонтах, в которых разворачивалась интрига: с А. К. Белыхом, равно как и научным коммунизмом в целом не понятно «что делать»: как его идентифицировать, под какую рубрику подводить, в какую традицию наследования вписывать, и, что самое главное, как оценивать с интеллектуальной и научно-познавательной точки зрения то, что он сделал и написал.

На первый взгляд, вроде бы все очевидно: идеологическая агитка, на потребу дня, рабочая марионетка-проводник «в широкие массы советской интеллигенции» директив Политбюро ЦК КПСС со всеми вытекающими отсюда дискредитирующими опошляющими эпитетами (душитель-душегуб свободы, каратель и цензор, вздорный диктатор, оболванивающий людей и т. д.). Но с другой стороны, если посмотреть на масштаб произошедшего, а также на длительность, то очевидно, что, во-первых, перед нами не просто случайный и вздорный эксцесс, не имеющий под собой почву, но, напротив, явление во всех отношениях не с научным коммунизмом и не с Белыхом начавшееся, и с их устранением – не закончившееся, ну и, во-вторых, весьма характерное как для истории отечественной, так и европейской (по крайней мере) идей, имеющее множество аналогов и в прошлом, и в настоящем. Могу предположить, что перед нами – впечатляющий конструкт идеологически-теологически-схоластического толка, причем высокой интеллектуальной пробы, не лишенный изящной виртуозности, представленный в соответствии с «гением и духом места» – столице империи.

Во всех отношениях А. К. Белых – фигура мощная. Об общественно-организационной стороне распространяться не буду: это очевидно. Коснусь лишь некоторых аспектов его профессиональной деятельности, что получила фиксацию в его текстах. В 1958 г., еще до оформления доктрины научного коммунизма А. К. Белыхом была защищена кандидатская диссертация (по философии!) – «Соотношение экономики и политики в социалистическом обществе», впоследствии изданная отдельной книгой. В ней в полной мере используется каноническая, как она утвердилась в диалогно-истматовском комплексе, атрибутивная дефиниция, т. е. устоявшийся к тому времени понятийный аппарат – классовая борьба, пролетариат, общественное бытие и общественно сознание, отношение к собственности и пр. Т. е. все теоретические построения с самого начала и до самого конца выдерживаются в рамках размеченного поля, значимые смысловые точки которого, как было уже показано выше, – не аксиоматические догмы, но – гипердисциплинарные отсылки. Главная же интрига закручивается вокруг политики (как дискурса и института). Вопрос чисто схоластический: как увязать очевидную автономность политической сферы с непреклонностью многократно заявленной тотальностью примата бытия (общественного бытия – экономики – классовых отношений) над сознанием. Логическая последовательность мыслительных шагов такова: «Соотношение экономики и политики – сложный процесс, характеризующийся рядом закономерностей. К их числу относятся: 1) определяющая роль экономики по отноше-

нию к политике; 2) относительная самостоятельность политики; 3) активная роль политики в отношении экономики; 4) первенство политики над экономикой» [20, с. 9]. Каждое положение, а также переход от одного тезиса к другому – это и составляет содержание работы – доказываемая в полном соответствии и в прямом соотношении с каноническим набором текстов классиком марксизма-ленинизма и в каждом своем звене неопровергаем в принципе. Однако крайние точки – п. 1 и п. 4 – прямо противоположны.

Докторская диссертация, по философии же, защищенная менее, чем через 10 лет после кандидатской, в 1967 г., с одной стороны, является тематическим продолжением, с другой, изощренная апологетика необходимости существования политической организации общества (государства) в ситуации, когда, казалось бы, всякая необходимость в нем отпадает – в условиях социализма (тем паче коммунизма), где исчезновение атрибутивных маркеров «антагонизма» постулировано в доктрине. Вначале проговаривается марксистско-ленинский догмат-вывод «о классах как главных носителях политических отношений, который вытекает из применения... научной методологии марксизма-ленинизма, в частности диалектико-материалистической теории предмета (вещи), свойства и отношения» [21, с. 8]. Также подтверждается и «общетеоретический ландшафт»: «Политическая организация общества – особое реально относительно самостоятельное явление, связанное с функционированием классов, государства, общественно-политических организаций» [21, с. 9]. Однако уже на первых страницах – в качестве собственно предмета разговора-исследования – тут же делает оговорку: «...из всех элементов политической организации нашего общества основными являются субъекты (носители) политических отношений, т. е. определенные образования человеческих коллективов. Они же суть и субъекты управления» [21, с. 8]. Вроде бы никакого сумбура или очевидной состыковки с базовым набором элементов, репрезентирующих «общие закономерности развития бытия, общества и мышления» не происходит, но случается сдвиг, изменения ракурса (посредством оператора «субъект»), в результате чего становится доступным для легального аналитического обозрения горизонт конкретной технологической оснастки, в котором первично-субстанциональный набор иной, причем, с точки зрения материально-идеальной бинарии, весьма двусмысленный, – совокупности людей, которые «имеют свои аппараты, их деятельность материализована (как бы овеществлена) в определенных учреждениях и институтах. Поэтому они могут быть условно рассматриваемы как социальные «предметы» («вещи») [21, с. 9]. Открывшееся пространство и обозревается, и осваивается (теоретически разумеется), и легитимируется в качестве допустимого предмета уже практически-прикладных спекуляций (суть – социология и политология в сегодняшней дисциплинарной разверстке). Замечательно даже не то, что «теоретически» классы остаются при социализме – необходимость пролонгированного бытия уже была мифологически-поэтически засвидетельствована ранее, а то, что всякий дискурсивный «объект» (управление, право, власть, практика, экономика, социальность, наука и пр.) всякий раз «привязывается» (через политику) и удостоверяет свою «вторичность» (производность) по отношению к акциденциям первого порядка. Таким образом, «политическая организация общества» становится, по сути дела, вневременным универсальным конструктом, который можно «натянуть» на любую конкретную ситуацию, или, что точнее, идентифицировать последнюю в нужном, т. е. строго-научном правильном ключе. Показательным можно считать послед-

ний раздел работы «Политическое руководство Коммунистической партии», который раскрывает поистине безграничные возможности и варианты (готовую схему) «надлежащей интерпретации» директив суверенного субъекта власти, каковым на тот момент была КПСС. Наглядные примеры применений этой технологии могут служить следующие издания кафедры ЛГУ теории Научного коммунизма, вышедшие под его руководством и с его заглавными статьями: «Развитие 25 съездом КПСС теории социалистического общества» (1978 г.), «26 съезд КПСС о развитом социалистическом обществе» (1983 г.), и «Разработка 27 съездом КПСС проблем научного коммунизма» (1988 г.), выходявшие в издании ЛГУ в многотомной серии «Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Проблемы научного коммунизма».

Среди интеллектуально-исследовательских сюжетов, которые прямо и непосредственно были инициированы А. К. Белых, и вызвали невероятный резонанс как в гуманитарно-научном, так и в общественном дискурсе позднесоветской эпохи, были методологические проблемы теории научного коммунизма (т. е. вопросы собственной организации и функционирования дисциплины, ее предметно-операционно-производственные аспекты, относящиеся к чистому умозрению – логически-эстетическая проработка конструкта) и концепт «развитого социализма», прародителем которого он был, наделавшего довольно много шума в общественном сознании советских людей последних двух десятилетий эпохи. Но разбор этих сюжетов, и в качестве актуальной для гуманитарного знания заката советской империи зоны, и как предметов особого интеллектуального попечения А. К. Белых, требует отдельного и развернутого разговора. Сейчас же сделаем несколько итоговых предположений.

Заключение. Научный коммунизм – весьма значимый, неслучайный, но характерный для отечественной мысли, интеллектуальный конструкт. Коллективный, т. е. в его реализации-творении задействовано большое количество людей (интеллектуалов, но и не только), а значит, его можно рассматривать как направление, традицию, стилистику. Среди исторических аналогов, использующих тот же самый стратегически-тактический арсенал средств выражения и фиксации (т. е. технология дискурсивной оснастки) его можно и сравнить, и уподобить с известными спекулятивными конструктами теологического характера: высокой схоластикой или, если воспользоваться эффектным определением С. Жижека, которое он использовал при анализе идеологии, – «Возвышенной». А. К. Белых и его работы – один из ярких, успешных и впечатляющих примеров «работы» в этой области. Причем, с очень ощутимым «питерским (не ленинградским) акцентом»: имперская иррациональная (рациональным образом оформленная) тотальность и чистота стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Немцев М. Ю. К истории советской академической дисциплины «Основы научного коммунизма» // Идеи и идеалы. 2016. №1 (27), ч. 1. С. 23–38. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-23-38.
2. Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР. М.: Сов. наука, 1963. № 8.
3. Диалектический материализм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / под ред. А. М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 8. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 09.08.2020).

4. Исторический материализм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / под ред. А. М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 10. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 09.08.2020).
5. История Коммунистической партии Советского Союза / Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев и др. М.: Политиздат, 1976.
6. Политическая экономия / под ред. К. В. Островитянова. М.: Политиздат, 1955.
7. Научный коммунизм / П. Н. Федосеев, В. Г. Афанасьев, К. Н. Брутенц и др. М.: Политиздат, 1976.
8. Научный коммунизм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / под ред. А. М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 17. URL: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 09.08.2020).
9. Голованов Б. Д. Идеология как феномен французского Просвещения и ее философские истоки // Актуальні проблеми духовності. Збірник філософських праць. 2006. № 7. С. 104–113.
10. Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 146–149.
11. Кротов А. А. Из истории философии образования эпохи Просвещения: Кондильяк и Дестют де Траси // Философские науки. 2014. № 9. С. 129–140.
12. Ланина Е. Е., Ланин Д. А. Идеи и знаки: семиотика, философия языка и теория коммуникации в эпоху Французской революции. СПб.: Лики России, 2004.
13. Бирюкова Н. Б. Концепция логики Дестюта де Траси // Логическая мысль во Франции XVI – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. М.: КомКнига, 2006. С. 103–120.
14. Дестют де-Траси, Антуан-Луи-Клод // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. К. К. Арсентьева, Ф. Ф. Петрушевского. Т. Ха (20). СПб.: Семеновская типолит., 1893. С. 488.
15. Фролова А. Л. Дестют де Траси // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH60441d1696bcc6acb3e060> (дата обращения: 09.08.2020).
16. Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. с фр. Н. Ю. Бокардовой. М.: Прогресс, 1990.
17. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д. А. Ланина. М.: Академ. Проект: Альма Матер, 2013.
18. Белых Акат Калистратович // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1233-belykh-akat-kalistratovich.html> (дата обращения: 09.08.2020).
19. Бичурский Живой Журнал. Все о Бичуре и бичурянах // LiveJournal. 2020. URL: <https://bichura-rodina.livejournal.com/2757.html> (дата обращения: 09.08.2020).
20. Белых А. К. Соотношение экономики и политики в социалистическом обществе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.
21. Белых А. К. Политическая организация общества и социалистическое управление. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.

Информация об авторе.

Соколов Евгений Георгиевич – доктор философских наук (2002), профессор кафедры русской философии и культуры института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 4 монографий и более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: современная культура, советская философия, русско-советский авангард, история общественной мысли в России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9843-8371>. E-mail: egslv@gmail.com

REFERENCES

1. Nemtsev, M.Yu. (2016), "On the history of the Soviet academic discipline "Foundations of Scientific Communism"", *Ideas and Ideals*, no. 1 (27), iss. 1, pp. 23–38. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-23-38.
2. *Byulleten' Ministerstva vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya SSSR* [Bulletin of the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the USSR] (1963), no. 8, Sovetskaya nauka, Moscow, USSR.
3. "Dialectical materialism" (1972), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t., 3-e izd.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol., 3rd ed.], in Prokhorov, A.M. (ed.), vol. 8, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, RUS, available at: <https://gufo.me/dict/bse> (accessed 09.08.2020).
4. "Historical materialism" (1972), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t., 3-e izd.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol., 3rd ed.], in Prokhorov, A.M. (ed.), vol. 10, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, RUS, available at: <https://gufo.me/dict/bse> (accessed 09.08.2020).
5. Ponomarev, B.N., Volin, M.S., Zaitsev, V.S., Mints, I.I. and etc. (1976), *Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz* [History of the Communist Party of the Soviet Union], Politizdat, Moscow, USSR.
6. *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy] (1955), in Ostrovityanov, K.V. (ed.), Politizdat, Moscow, USSR.
7. Fedoseev, P.N., Afanas'ev, V.G., Brutents, K.N. and etc. (1976), *Nauchnyi kommunizm* [Scientific communism], Politizdat, Moscow, USSR.
8. Scientific communism (1974), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t., 3-e izd.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol., 3rd ed.], in Prokhorov, A.M. (ed.), vol. 17, Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, RUS, available at: <https://gufo.me/dict/bse> (accessed 09.08.2020).
9. Holovanov, B.D. (2006), "Ideology as a phenomenon of the French Enlightenment and its philosophical origins", *Actual Problems of Mind. Philosophy Journal*, no 7, pp. 104–113.
10. Ivanova A.S. (2013), "The beginnings of "ideology": Antoine Destut de Tracy and his science of ideas", *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], no. 8, pp. 146–149.
11. Krotov, A.A. (2014), "History of Educational Philosophy in the Enlightenment: Condillac and Destutt de Tracy", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 9, pp. 129–140.
12. Lanina, E.E. and Lanin, D.A. (2004), *Idei i znaki: semiotika, filosofiya yazyka i teoriya kommunikatsii v epokhu Frantsuzskoi revolyutsii* [Ideas and Signs: Semiotics, Philosophy of Language and Communication Theory in the Era of the French Revolution], Liki Rossii, SPb, RUS.
13. Biryukova, N.B. (2006), "The concept of logic by Destut de Tracy", *Logicheskaya mysl' vo Frantsii XVI – nachala XIX stoletii: Frantsuzskie predvoskhishcheniya idei matematicheskoi logiki* [Logical thought in France in the 16th – early 19th centuries: French anticipations of the ideas of mathematical logic], KomKniga, Moscow, RUS, pp. 103–120.
14. "Destut de Tracy, Antoine-Louis-Claude" (1893), *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron], in Arsent'ev, K.K. and Petrushevskii, F.F. (ed.), vol. Xa (20), Semenovskaya Tipolitografiya, SPb, p. 488.
15. Frolova, A.L. (2010), "Destyut de Trasi", *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t., 2-e izd.* [New philosophical encyclopedia: in 4 volumes, 2nd ed.], in Stepin V.S. (ed.), *Mysl'*, Moscow, RUS, available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH60441d1696bcc6acb3e060> (accessed 09.08.2020).
16. Arnauld, A. and Lancelot, Cl. (1990), *Grammatika obshchaya i ratsional'naya Por-Royalya* [General and rational grammar of Port-Royal], Transl. by Bokardova, N.Yu., Progress, Moscow, USSR.
17. Destutt de Tracy, A.-L.-K. (2013), *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova* [Éléments d'idéologie: Idéologie proprement dite], Transl. by Lanin, D.A., Akademicheskii Proekt, Al'ma Mater, Moscow, RUS.
18. "Belykh Akat Kalistratovich", *Biografika*, available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1233-belykh-akat-kalistratovich.html> (accessed 09.08.2020).

19. "Bichursky LiveJournal. All about Bichura and Bichuryans" (2010), *LiveJournal*, available at: <https://bichura-rodina.livejournal.com/2757.html> (accessed 09.08.2020).

20. Belykh, A.K. (1959), *Sootnoshenie ekonomiki i politiki v sotsialisticheskom obshchestve* [The ratio of economics and politics in a socialist society], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.

21. Belykh, A.K. (1967), *Politicheskaya organizatsiya obshchestva i sotsialisticheskoe upravlenie* [Political organization of society and socialist governance], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.

Information about the author.

Evgeniy G. Sokolov – Dr. Sci. (Philosophy) (2002), Professor at the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 4 monographs and more than 100 scientific publications. Area of expertise: modern culture, Soviet philosophy, Russian-Soviet avant-garde, history of social thought in Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9843-8371>. E-mail: egslov@gmail.com